

Глава первая

— Пчела никогда не пытается вразумить муху, говоря ей: «Мед лучше навоза».

Женщина, которая произнесла эту фразу, посмотрела на меня.

— Понимаете?

Я кивнула.

— Да. Но, с другой стороны, все насекомые разные, у каждого свои привычки, вкусы, жизненные задачи. Просто пчеле не следует дружить с мухой, и объяснять ей, как вкусен и ароматен мед, пустое занятие.

— Егор — пчела, — продолжила посетительница, — остальные — мухи. Кроме меня. Правда, я не насекомое, а птичка. Так Егор и называл меня: «Колибри моя». Мне сейчас семьдесят стукнуло.

Я изобразила удивление.

— Неужели? Думала, вы недавно пятый десяток отметили.

— Спасибо, — улыбнулась моя собеседница, — стараюсь прилично выглядеть. Увы, с каждым прожитым годом приходится удваивать усилия. Знаете, что категорически запрещено делать тем, кто вышел на пенсию?

— Нет, — ответила я.

— Бросать работу. Если кто сел у телека — конец! Скоро умрет. И понятно почему. Бесконечный просмотр программ разрушит мозг, наполнит душу злобой, сварливостью. А лежание на диване или сидение целыми днями в кресле убьет тело. Пожалуйста, помогите мне, напишите книгу.

Я растерялась. Когда Женя Птичкин, главный редактор издательства «Элефант», которое выпускает мои детективы, попросил меня поговорить с ближайшей подругой своей мамы, я всю голову сломала, пытаюсь догадаться, что от меня надо Валентине Тимофеевне Рыжовой. И вот сейчас получила ответ: книга!

— Вам не придется ничего выдумывать, — объясняла тем временем моя собеседница, — Степан Дмитриев все разузнает, вам останется только записать. Женечка сказал, что вы всегда так работаете, в паре. Супруг занимается расследованием, а вы потом просто на бумагу перекладываете все, что вам муж сообщает. Вам

достаются слава, деньги. Мужчина предпочитает держаться в тени. Очень благородно с его стороны.

Женщина понизила голос.

— Могу говорить откровенно?

Я молча кивнула, Рыжова прищурилась.

— Женю знаю с младенчества. Мальчик со мной честен, поэтому в курсе, что вы сами не пишете. Вам повезло иметь богатого любящего супруга. Степан Дмитриев захотел сделать из вас знаменитость. Он платит коллективу авторов, снабжает их материалами, а на обложке потом ставят ваш псевдоним «Арина Виолова». И все довольны. Издательству — прибыль, настоящим писателям — небольшие гонорары, вам — известность и большие суммы. Лично вас моя просьба никак не обременит, но без вашего согласия ничего не получится. Так Женечка объяснил, поэтому пришла к вам.

Мне стало не по себе. Похоже, Валентина Тимофеевна не понимает, что сейчас обвинила меня в использовании литературных рабов. Госпожа Рыжова считает, что я — лишь имя на обложке, а мастерит детективы бригада, которая получает материалы дел, над которыми работал Дмитриев. Но, надо признать, доля правды в ее рассуждениях присутствует. Мне очень трудно

придумать интересный сюжет, поэтому с радостью влезая в расследования, которые ведет Степа и другие сотрудники его агентства.

Дмитриев в юности попал в колонию для малолетних преступников. Ничего дурного он не совершал, но ни в полиции, ни на суде никто не захотел выслушать подростка, и его отправили отбывать срок. А потом школьнику повезло. Защищал его на процессе совсем молодой адвокат. Вчерашний студент поверил своему клиенту, сам начал раскапывать гору лжи, под которой погребли Степана, спустя время доказал, что Дмитриева оговорили, и юноша оказался на свободе. Прошло время, Степан превратился в обеспеченного человека, открыл детективное агентство. К нему обращаются родственники невинно осужденных или те, кого без причины посадили. Сотрудники проводят свое расследование, и часто заключенные выходят на свободу, потому что оказались за решеткой, не совершав преступления.

Да, я использую материал, который есть в агентстве. Но! Пишу только о той ситуации, которой занималась лично, всегда меняю имена и фамилии героев. Женя все это знает! И зачем он отправил ко мне госпожу Рыжову, которая уверена: я услышу, что мне заплатят, и, будучи

бабой беспредельной жадности, радостно завоплю: «Банзай!¹ Конечно! Согласна! Мои верные рабы состряпают книжонку по вашему сюжету!» Писать я не умею, но это не проблема. От меня нужна только фамилия на обложке. Я не обидчива, но подобное предложение оскорбительно.

А Валентина Тимофеевна продолжала:

— Наверное, сейчас удивлены...

Я молча кивнула, не стала объяснять, что больше всего меня поразила бесцеремонность незнакомой женщины.

Рыжова не останавливалась:

— Я мать и бессменная помощница Егора Ивановича Ларина на протяжении многих лет. Первая сотрудница, которую он оформил на работу, когда открыл крохотный магазинчик. Если на обложке в качестве автора укажут меня, до всей его родни живо дойдет, что я решила вытащить на свет тайну о семье. Роль того, кто вывалит перед народом правду, мне тоже не по плечу. А вам все равно, вы не общались с Егором Ивановичем. Так как?

¹ «Б а н з а й» в переводе с японского — «десять тысяч лет». «Тэнно хэйка банзай» — традиционное японское пожелание десяти тысяч лет жизни императору. В данном контексте можно перевести как «ура» или «да здравствует».

Миллион за ваши имя и фамилию на обложке!
Согласны?

Я встала.

— Нет.

— Миллион, — повторила женщина.

— Нет, — опять отказалась я.

— Два! — повысила ставку беспардонная особа.

— Торг неуместен, но спасибо за предложение.

— Три! — крикнула Рыжова.

Я взялась за ручку двери и обернулась.

— Возвращайтесь к Евгению. Уверена, он найдет литератора, который за такие деньги на все согласится.

— Но мне нужны только вы, потому что...

Продолжение фразы осталось мне неизвестным. Я, очень надеясь, что не встречу по дороге никого из хорошо знакомых сотрудников издательства, помчалась по коридору к лестнице, сбежала на первый этаж, вынеслась на парковку.

И тут меня догнал звонок от Птичкина.

— Слушаю, — ответила я.

— Вилка, не сердись, — занял Евгений, — Валентина мне как тетя, она лучшая подруга мамы. Мама меня морально уничтожит, когда узнает, что я не сумел Рыжовой помочь.

С огромным трудом подавив желание послать главного редактора в пешее путешествие с ярким сексуальным уклоном, я очень вежливо ответила:

— Спасибо, Евгений, очень тебе благодарна за хорошо оплачиваемую халтурку, но нет! Извини, тороплюсь по делам!

— Подожди! — взмолился Женя. — Ты где?

— Сажусь в машину.

— Дай сказать! — стонал Птичкин. — Вилка, мы же давние приятели! Ты ведь помнишь, где состоялось наше знакомство?

— Конечно, — фыркнула я. — Ты стоял на ресепшене, открывал дверь литераторам, когда те приходили в «Элефант».

Сзади слышались шаги. Я обернулась, увидела Птичкина.

— Не вели казнить, — начал кланяться тот, — вели миловать, разреши слово сказать.

— Говори.

— Пошли в кафе, — предложил Евгений. — Тут неподалеку, в «Джино Дженнаро». Там такой чек, что почти никого нет. Я плачу.

— А ты мог подумать, что, приглашая девушку выпить кофе, она потом за двоих рассчитается?

— Ой, пожалуйста, не злись, поверь, попал в трудное положение!

— Совершенно не сержусь. Я в бешенстве! Как ты мог попросить меня встретиться с безумной тетей, которая предложит за безумные деньги поставить мое имя на обложке безумного опуса, который напишет безумная литературная бригада?! Зачем ей это?

— Офигеть! — возмутился Птичкин. — Мне она сказала, что хочет попросить тебя на коммерческих основаниях рассказать о бизнесе Егора Ларина. Упомянуть о нем в своих интервью, в соцсетях.

— Либо Валентина Тимофеевна не умеет выражать мысли словами, либо она в придачу ко всему еще и врунья — обманула тебя, как младенца, — отрезала я.

Глава вторая

— Все, что сейчас расскажу, только для твоих ушей, — предупредил Птичкин, когда ушел официант, который поставил передо мной тарелку с салатом.

— Спасибо за предупреждение, — улыбнулась я. — Обычно после беседы с кем-то сразу бегу в «Желтуху», за хорошую плату выбалтываю, что слышала.

Евгений покраснел.

— Что-то сегодня у нас диалог не клеится.

— Вот и подумай, кто виноват в создавшейся ситуации, — отправила я мяч на половину собеседника. — Хотел что-то рассказать? Начинай!

Женя взял бутылку воды.

— Мою маму, Маргариту Михайловну, в студенческие годы обманул мужик. Наобещал золотых гор, свадьбу, путешествие на море и вечное счастье в семейной жизни. Но

когда подонок узнал, что невеста беременна, он тихо слился. Мама искать мерзавца не стала. Гордая очень она тогда была. И судьба была нам с мамулей умереть от голода. Но соседка по лестничной клетке сообщила, что в соседней квартире дела плохи совсем, и начала помогать нам. Времена еще советские были, а Валентина Тимофеевна хорошо зарабатывала. Она и дружила с мамой. В свое время Рыжова ей рассказала о своей несчастливой женской судьбе. Когда Вале исполнилось восемнадцать, она вышла замуж. Брак развалился через год. Супруг оказался запойным — три недели был трезв, а семь дней в месяц наливался всем, что горит. Женщина развелась, познакомилась с веселым Иваном Лариным. И вскоре поняла, что беременна. Валя сообщила радостную новость мужчине. Рыжова ожидала бурю восторга, фонтан ласковых слов, предложение как можно быстрее зарегистрировать отношения. Но события начали разворачиваться иначе. Иван неожиданно признался: «Я давно женат. С супругой у нас секса нет, но развестись не могу, потому что она больна. Дам тебе денег на аборт». Убить ребенка женщина не могла. Она поклялась, что больше никогда не посмотрит ни на одно-

го парня, и произвела на свет сына. В обычном районном роддоме все доктора и медперсонал оказались добрыми и хорошими специалистами. Палаты там были на двоих. Соседкой Вали стала Анна Кириллова — многодетная мать, она пришла за очередным ребенком. Никакой радости пополнение семьи ей не доставило. Когда медсестра принесла новорожденного, Аня тихо заплакала. Прибежала врач, сделала укол, а Кириллова вдруг воскликнула: «Почему он не умер? Не хочу домой очередного спингрыза забирать!» Валентина, которая ждала, когда ей покажут малыша, чуть с кровати не свалилась. Медсестра в белом халате ласково ответила: «Сейчас унесу мальчика. Такой хороший ребенок, здоровенький, красивый. Вы очень устали, роды — тяжелое дело. Отдохните, выспитесь. Завтра зайчика увидите и сразу полюбите». Анна отчаянно зарыдала: «Никогда! Нет! У нас слишком много детей! Муж совсем не помогает, работает вахтовым методом — полгода на краю России, месяц дома. У него мать больная, злая. Мне и за ребятами следить, и за свекровью приглядывать, да еще работать. Шью на дому постельное белье для одной фирмы. Супруг на побывку приедет, и — бац! — я беременна. А потом вдруг дети